

Инверсия как художественный прием в поэтике А. П. Платонова

The Inversion as a Creative Method in the Artistic System of Andrei Platonov

Елена Анатольевна Васильева

(Градец-Кралове, Чешская Республика)

Abstract:

The paper considers the role of inversion and oxymoron in the language and artistic system of Andrei Platonov. We present different points of view by the researchers of Platonov's creative work at the role of inversion and oxymoron in the author's poetics. The paper provides the examples of inversion and oxymoron, carrying out both the formative and semantic functions in the writer's poetics, reflects on the reasoning behind the stylistic contrast of the writer's language.

Key words:

A. Platonov; inversion; oxymoron; the “crucified” word; art reception

А. П. Платонов поражает прежде всего своим оригинальным стилем, необычным языком. «Язык [...] произведений А. Платонова — это, безусловно, русский язык, но отнюдь не тот, который мы называем изысканным или хотя бы интеллигентным языком, и не тот, который иногда в противоположность первому именуется «народным», это — его собственный, платоновский язык, еще ничей ни до, ни после него и пока что единственный в мире», — пишет С. Залыгин [ZALYGIN 1972, 179].

На сегодняшний день уже имеется достаточно большое количество исследовательских работ, прямо относящихся к проблеме языка и стиля А. Платонова. Пристальное внимание к этой проблеме обусловлено особенностями поэтики писателя, отмеченной глубинной связью между философией и словом. Первым обратил внимание на это качество его художественного языка Л. Я. Боровой [BOROVOJ 1966, 178–218]. Далее изучение проблемы шло по пути конкретизации, детализации, выявления способов воплощения того первопринципа платоновской поэтики, который представляет собой соединение несоединимого, сопряжение разнородного, что исследователи определяют как конкретное и абстрактное, материально-вещественное и идеальное, бытовое и бытийное и т. д. Начало этому пути положили статьи В. А. Свительского [SVITEL'SKIJ 1970, 7–26] и С. Г. Бочарова [BOČAROV 1971, 310–350]. Наиболее глубоко и детально разработана данная тема Е. Толстой-Сегал [TOLSTAJA-SEGAL 1978, 169–212]. Проблеме философского смысла языковых аномалий платоновских текстов посвящены исследования И. М. Кобозевой и Н. И. Лауфера [KOBOZEVA, LAUFER 1990, 125–139], М. А. Дмитриховской [DMITROVSKAJA 1990, 107–115, DMITROVSKAJA 1993, 47–50]; М. М. Вознесенской [VOZNESENSKAJA 1995], А. А. Кобринского [KOBRIJSKIJ 1994, 82–94], Д. В. Колесовой [KOLESOVA, CHARITONOV 1992, 41–43], Т. Сейфрида [SEJFRID 1994, 303–319] и т. д.

Говоря о языке писателя, мы обращаем внимание на инверсию и оксюморон, несущие в себе не только формообразующую, но и смыслообразующую функцию в поэтике писателя.

Пристальный взгляд на стилистику А. Платонова рождает впечатление, что главной задачей автора в этой области было поставить слово в как можно более неудобное, «некомфортное» положение по отношению к другому слову. Такая творческая ориентация представляет перевернутый вариант, инверсию основных принципов классического литературного письма, где первыми достоинствами считались ясность, точность и краткость. Понятие «инверсии» применительно к языку А. Платонова находим у И. Бродского: «Главным его орудием была инверсия; он писал на языке совершенно инверсированном; точнее — между понятиями «язык» и «инверсия» Платонов поставил знак равенства» [BRODSKIJ 1994, 154–156].

Однако неясность, затемненность мысли, отсутствие простоты, нарушение лексической сочетаемости, неестественность «словоположения» в платоновских текстах конца 20-х–30-х гг. является принципиальным способом объективизации авторской мировоззренческой позиции, художественного выражения тревоги писателя по поводу происходящих в действительной жизни этого времени событий. «Итак, где у А. Платонова искать его философию, — размышляет С. Г. Семенова, — Да в самой фразе... Каждая фраза, каждый поворот и извив ее сочтется смыслом, мировоззрением, тенденцией» [SEMENOVA 1989, 27]. И это действительно так, ибо «разрушенный язык» (А. Эпельбоин) Платонова по существу нацелен на то же утверждение высшей гармонии как естественной основы бытия, но только методом «от противного», через художественную «кривду», являясь в его произведениях своеобразным критерием правды, ее искаженным двойником. Например, в повести «Котлован» Дом «для счастья и детства» является основной целью строительства. Для реализации этой цели старательно расчищается место, ведь в этот Дом должны войти все пролетарии, чтобы ощущать счастье существования. Однако не был заложен даже фундамент Дома. Котлован становится могилой для Насти. Можно заметить интересные параллели, как будто писатель предсказал последующие события: разрушение храма Христа Спасителя и строительство на его месте бассейна «Москва», видящееся как замена в душе народа божественных начал атеистической бездуховностью, а затем и падение советского строя.

Весь «ритуал» строительства Дома «для счастья и детства» выполняют несчастные люди, люди-«мертвецы»: «—Козлов, ложись лицом вниз, отдышись! Кашляет, вздыхает, молчит, горюет! — так **могилы** (выделено здесь и далее нами — Е. В.) роют, а не **дома**» [PLATONOV 2017a]. «Кроме дыхания, в бараке не было звука, никто не видел снов и не разговаривал с воспоминаниями, — каждый существовал без всякого излишка жизни, и во время сна оставалось **живым** только сердце, берегущее человека» [PLATONOV 2017a]. У Прушевского, руководителя строительства, «пустое сердце»: «Ему хотелось непрерывно заботиться о предметах и устройствах, чтобы иметь их в своем уме и **пустом** сердце вместо дружбы и привязанности к людям» [PLATONOV 2017a].¹ Несчастливые люди не могут дать счастья. Оксюморон и инверсия являются

1 Возникают невольные интересные аллюзии, отсылающие нас к лермонтовскому тексту: «Пустое сердце бьется ровно, в руке не дрогнул пистолет». Убийца, отнимающий жизнь, — такова скрытая семантика образа «пустого сердца» для образованного носителя русского языка. В свете данной интерпретации и образ главного вдохновителя работ по строительству Дома, инженера Прушевского, основан на оксюмороны. Человек «с пустым сердцем», который ведет всех к счастью.

и смыслообразующим в поэтике А. Платонова. Ими буквально наполнено пространство художественного мира писателя.

«Автор «Котлована» — пишет С. Залыгин в предисловии к «новомировской» публикации повести, — повсюду способен увидеть... нелепость, дисгармоничность, драму человеческого существования. Но это именно потому, что душа его больше всего нуждается в разумении и гармонии» [PLATONOV 1987, 51]. Его изломанное, «корчащееся» слово, достигающее крайнего смыслового напряжения, представляет изображаемый автором мир как неестественный. Только этим языком автору, «единственному из этой эпохи, — отмечает А. Шиндель, — удалось адекватно отобразить парадоксальность исторической реальности своего времени» [ŠINDEL' 1989, 217].

Распятый между жизнью и смертью платоновский мир имеет свой эквивалент на уровне языка текста — «распятое» слово, эффект которого возникает через объединение в одной фразе или словосочетании внешнего и внутреннего («выдумать смысл жизни в голове»), абстрактного и конкретного («Воцев отворил дверь в пространство»), реального и идеального и пр. С. Г. Бочаров так определяет этот поэтический феномен языка писателя: особенность этих выражений в том, что «сходятся вместе слова, которые словно тянут в разные стороны, как персонажи басни Крылова» [BOČAROV 1991, 481]. Красноречивым примером тому является, например, момент, когда Чиклин устраивает для Насти постель и игровую-«красный уголок» в гробах: «Чиклин сказал, что вчера вечером близ северного пикета на самом деле было открыто сто пустых гробов; два из них он забрал для девочки — в одном гробу сделал ей постель на будущее время, когда она станет спать без его живота, а другой подарил ей для игрушек и всякого детского хозяйства: пусть она тоже имеет свой красный уголок» [PLATONOV 2017a].

«Оксюморон запрограммирован» на двухвалентность, — утверждает Р. Лахманн, — решающим является «взрывное соприкосновение противоположностей, выражающееся синтаксически *in praesentia* и семантически *in absentia* и как бы одним ударом вызывающее в сознании идею человеческой жизни — смерти» [LACHMANN 1997, 67]. «Оксюморон как пиковая точка, «апогей соприкосновения двух экстремально противоположных явлений» (Р. Лахманн) в то же время является и точкой снятия, разрешения смыслового конфликта, ибо по самой своей конструкции он есть объединение в одной структуре противоположных, но при этом неотделимых, предполагающих друг друга компонентов. В противном случае, без этой идеи единства, как языковая фигура оксюморон был бы разрушен» [PROSKURINA 2001, 144]. Е. Н. Проскурина считает, что именно оксюморон является несущим элементом онтологической поэтики А. Платонова.

Действительно, не только в лексических конструкциях языка писателя, но и в семантическом плане оксюморон играет важнейшую роль в платоновской поэтике. Л. В. Карасев замечает по поводу финала романа «Чевенгур»: «Умирая, Дванов воскрешает жизненный смысл воды, превращая озеро-могилу в озеро-утробу, [...] погрузившись с головой в воду, он воссоединяется не только с отцом, чье тело давно уже покоится в озере, стало его частью, но и с матерью. Он возвращается в утробу матери-земли (Мутево — мать), из которой вышли и он сам и его отец и все остальные люди» [KARASEV 2001, 148]. В образе-символе котлована Л. В. Карасев видит и «материнскую утробу», способную вобрать в себя всех пролетариев земли, и могилу «счастья и детства» [KARASEV 2001, 148]. Следовательно, исследователь отмечает смысловой оксюморон, заключенный в онтологической поэтике произведений писателя. Например, в произведении «Житейское дело. Следом за сердцем» писатель замечает: «Счастье его оказалось посильным житейским делом» [PLATONOV 2017b]. Соединяя в одной фразе возвышенное и обыденное, автор внезапно раскрывает всю красоту и полноту жизни. Все поиски Антона Гвоздарева, героя рассказа, все круги странствий завершаются познанием простой истины, что счастье человека — жить в семье, растить детей. В «Бедняцкой хронике. Впрок», чтобы ярче изобразить «человека прошлого», А. Платонов также прибегает к оксюморону: «Сущность такого человека состояла, приблизительно говоря, из сахара, разведенного в моче» [PLATONOV 1988, 198]. Подобными примерами изобилуют произведения писателя.

Оксюморон существует в художественном мире писателя как нерасторжимое единство противоположностей. «Для А. Платонова органично также *противоречие* самых общих определений в едином предмете» [BOČAROV 1991, 481].

Итак, инверсия и оксюморон являются отличительной особенностью языка А. Платонова. Чем это обусловлено?

Безусловно, эпохой. «Характер времени преломлялся в платоновском языке, обращался в платоновскую поэтику, а поэтика у значительного писателя и есть художественное содержание» [BOČAROV 1991, 463]. Кроме того, желанием выразить и вместить в свою фразу весь этот сложный и противоречивый мир. «Выражение — внутренняя проблема одновременно платоновской жизни и платоновской прозы. [...] При этом нечленораздельность, отсутствие слова имеют двойственное значение у А. Платонова. Это — «немое горе вселенной», которую может одолеть и высказать лишь человек, но это и некая молчаливая полнота, которую надо при этом суметь сохранить. В немотности платоновской жизни одновременно чувствуется и недостаток и недостаточность слов» [BOČAROV 1991, 471].

Его язык — это отражение народного сознания, которое вместило в себя наряду с вековой народной мудростью и канцелярит и политический новояз. «Сегодня утром Козлов ликвидировал как чувство свою любовь к одной средней даме. Она тщетно писала ему письма о своем обожании, он же, преодолевая общественную нагрузку, молчал, заранее отказываясь от конфискации ее ласк, потому что искал женщину более благородного, активного типа. Прочитав же в газете о загруженности почты и нечеткости ее работы, он решил укрепить этот сектор социалистического строительства путем прекращения дамских писем к себе» [PLATONOV 2017a]. Данная фраза, говорящая о неразделенном чувстве, настолько переполнена «корявыми» канцеляризмами, что создается впечатление будто писатель специально издевается над чувством любви. Однако в подобных фразах мы видим инверсионность художественного мира писателя, отражающую реалии того времени.² Среди чешских исследований, касающихся творчества А. Платонова, выделяется работа К. Хлупачовой и М. Задражиловой, в которой они отмечают особенности языка писателя: «Formule ze stranických dokumentů a novinářské hantýrky jako by zaplňovaly celé prostranství země, zalézaly pod kůži prostáček uhlušovaných rozhlasovými tlapači, pronikaly do jejich jazyka, kterým se teprve začínali učit pojmenovávat a osvojovat si vnější svět. Všechny ty kuriózní symbiózy lidové mluvy a prvky z cizích žargonů a stylů, jimiž se hemží stránky kroniky, dosvědčují jejich všudypřítomnost» [CHLUPÁČOVÁ-ZADRAŽILOVÁ 2005, 98]³. «Он изображал не «чужое слово» и не «чужую мысль». Платонов остается как бы внутри изображаемого сознания. Он сам так думает, как его герои, самый склад его мышления народный» [ŠUBIN 1991, 414].

Художественный мир А. Платонова — единая система, целостный контекст. Творчество А. Платонова представляет собой сложную синтетическую систему, уровень семантической плотности которой можно определить как высочайший.

2 Если вспомнить работу А. Коллонтай «Новая мораль и рабочий класс» (1919), где речь шла о равноправии мужчин и женщин, причем равноправие женщин поддерживалось свободными отношениями женщины с многочисленными партнерами, институт семьи и брака в его традиционном представлении провозглашался как устаревший, становится особенно понятным и сниженное отношение к любви, которое изображает писатель. Не только описания чувств, но и момент единения человека и природы наполнен инверсией. Например, Воцев, глядя на звездное небо, опершись о гробы спиной, думает, «когда же там будет вынесена резолюция о прекращении вечности времени, об искуплении томительности жизни» [PLATONOV 2017a].

3 Формулы партийных документов и газетные клише словно заполняли все пространство страны, «залезали под кожу» простаков, оглушаемых шумом радиоприемников, проникали в их язык, которым те только начинали учиться называть и осваивать внешний мир. Все эти курьезные симбиозы между народной речью и элементами иностранных жаргонов и стилей, ими изобилуют страницы газетной хроники тех лет, свидетельствуют о их повсеместном распространении (перевод наш — Е. В).

В лексических конструкциях языка писателя, в семантическом плане инверсия и оксюморон играют важнейшую роль в поэтике А. Платонова. На оксюморе и инверсии строится не только язык произведений писателя, но они играют важную роль и в создании образов героев, пейзажа, деталей и т. д., буквально маркируя не только язык, но и всю поэтику писателя. Методом «от противного» писатель раскрывает нам действительность, показывая инверсированный, богооставленный мир. Народный язык его произведений как огромная рана, и для того, чтобы не чувствовать боли происходящего, загоняющий себя в казенные рамки лозунгов и канцеляризм, отупляющих разум и притупляющих боль. Платоновской фразе тесно в этих рамках, она ломает их глубиной смысла, отсюда так трагично сосуществование формы и содержания, именно их соприкосновение уже оксюморон, которым писатель рисует всю трагедию происходящего с народом.

Библиография:

- BOČAROV, S. (1971): «*Veščestvo suščestvovanija*». *Vyraženije v proze*. In: *Problemy chudožestvennoj formy socialističeskogo realizma: V 2 t. T. 2: Vnutrennjaja logika literaturnogo proizvedenija i chudožestvennaja forma*. Moskva, s. 310–350.
- BOČAROV, S. (1991): «*Veščestvo suščestvovanija*». In: PLATONOV, A. P.: *Čevengur*. Moskva, s. 451–488.
- BOROVOJ, L. (1966): «*Radi radosti*» (*Andrej Platonov*). In: BOROVOJ, L. (red.) *Jazyk pisatelja*. A. Fadejev, V. Ivanov, M. Prišvin, A. Platonov. Moskva, s. 178–218.
- BRODSKIJ, I. (1994): *Predislovije k povesti «Kotlovan»*. In: PLATONOV, A. P.: *Mir tvorčestva*. Moskva, s. 154–156.
- DMITROVSKAJA, M. (1990): «*Pereživanije žizni*»: *O nekotorych osobennostjach jazyka A. Platonova*. In: ARUTJUNOVA, N. D. (red.): *Logičeskij analiz jazyka. Protivorečivost' i anomal'nost' teksta*. Moskva, s. 107–115.
- DMITROVSKAJA, M. (1993): *Prostranstvennyje oppozicii v romane A. Platonova «Čevengur» i ich ekzistencial'naja značimost'*. In: *Pragmatika. Semantika. Grammatika: Materialy konferencii naučnych sotrudnikov i aspirantov*. Moskva, s. 47–50.
- CHLUPÁČOVÁ, K., ZADRAŽILOVÁ, M. (2005). *Texty a kontexty Andreje Platonova*. Praha.
- KARASEV, L. (2001): *Veščestvo literatury*. Moskva.
- KOBOZEVA, I., LAUFER, N. (1990): *Jazykovyje anomalii v proze A. Platonova čerez prizmu processa verbalizacii*. In: ARUTJUNOVA, N. D. (red.): *Logičeskij analiz jazyka. Protivorečivost' i anomal'nost' teksta*. Moskva, 125–139.

- KOBRINSKIJ, A. (1994): *Proza A. Platonova i D. Charmsa: k probleme poroždenija alogičnogo chudožestvennogo mira*. Filologičeskije zapiski. Vestnik literaturovedenija i jazykoznanija, 1994, vyp. 3, s. 82–94.
- KOLESOVA, D., CHARITONOV, A. (1992): *Sintagma v povesti A. Platonova «Kotlovan» i drevnerusskoj tradicii: o jazykovych aspektach duhovnoj obščnosti*. In: Russkaja literatura XI–XX vekov. Problemy izučenija: Tezisy naučnoj konferencii molodych učenyh i specialistov 29–30 aprelja 1992 g. Sankt-Peterburg, s. 41–43.
- LACHMANN, R. (1997): *K poëtike oksjumorona (na primere stichotvorenija Danièlja Naborovskogo «Krátkoše žywota»)*. In: PERMJAKOV, Je. V. (red.): Lotmanovskij sbornik. T. 2. Moskva, s. 67.
- PROSKURINA, Je. (2001): *Poëtiki mistereal'nosti v proze Andreja Platonova konca 20-ch–30-ch godov (na materiale povesti «Kotlovan»)*. Novosibirsk.
- PLATONOV, A. P. (1987): *Kotlovan*. Novyj mir, 1987, № 6, c. 51.
- PLATONOV, A. P. (1988) *Vprok. Bednjackaja chronika*. In: PLATONOV, A. P. (red.): Gosudarstvennyj žitel'. Moskva.
- PLATONOV, A. P. (2017a): *Kotlovan*. <http://www.ilibrary.ru/text/1010/index.html> [online]. [cit. 7. 4. 2017].
- PLATONOV, A. P. (2017b): *Žitejskoe delo. Sledom za serdcem*. http://librebook.ru/rasskazy_tom_7/vol1/15 [online]. [cit. 7. 4. 2017].
- SEJFRID, T. (1994): *Pisat' protiv materii: o jazyke «Kotlovana» A. Platonova*. In: PLATONOV, A. P. (red.): Mir tvorčestva. Moskva, s. 303–319.
- SEMENOVA, S. (1989): *Serdečnyj myslitel'*. Voprosy filosofii, 1989, № 3, s. 26–31.
- SVITEL'SKIJ, V. (1970): *Konkretnoje i otvlečennoje v myšlenii A. Platonova-chudožnika*. In: SKOBELEV, V. P. (red.): Tvorčestvo A. Platonova: Stat'i i soobščeniija. Voronež, s. 7–26.
- ŠINDEL', A. (1989): *Svidetel'*. Znamja, 1989, № 9, s. 217.
- ŠUBIN, L. (1991): *Andrej Platonov*. In: PLATONOV, A. P. (red.): Čevengur. Moskva, s. 413–450.
- TOLSTAJA-SEGAL, Je. (1978): *O svjazi nižšich urovnej teksta s vyššimi (proza A. Platonova)*. Slavica Hierosolymitana, 1978, vol. 2, s. 169–212.
- VOZNESENSKAJA, M. (1995): *Semantičeskije obrazovanija v proze A. Platonova*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk. Moskva.
- ZALYGIN, S. (1972): *Literaturnyje zaboty*. Moskva.

Об авторе

Elena Anatolievna Vasilyeva, University of Hradec Kralové, Faculty of Education, Department of Russian Language and Literature, Hradec Kralové, the Czech Republic, elena.vasilyeva@uhk.cz